

СВЯЩЕННЫЙ ГОРОД КУМ СЕГОДНЯ

ИСЛАМСКАЯ УТОПИЯ В ДЕЙСТВИИ

А.Н. САВИН

По персидской легенде, Иран подобен волшебной чаше мифического царя Джамшида, которая, вращаясь, показывала на своих стенках весь мир. И дно этой чаши - огромная солончаковая пустыня Деште-Кевир в центре Ирана. Если развивать такую метафору, на дне чаши за многие тысячелетия должен скопиться осадок всех горестей, радостей и страстей, сотрясавших великую цивилизацию - тот самый не то «дорд», не то «дард»*, загадочный символ персидской поэзии.

В ЧАШЕ ДЕШТЕ-КЕВИР

На самой границе этого «дна» находится город Кум. Человеку с большим воображением может показаться, что он отделяет царство живых от царства мертвых. Что ж, возможно, этот мечтатель будет не так уж далек от истины.

Город Кум велик и обилен, в нем живет на сегодняшний день почти миллион человек. И, тем не менее, перед нами некая иллюзия, реальность скорее мифологическая, чем материальная. А может быть, просто мираж, возникший на краю пустыни 20-30 лет назад?

Своим неожиданным возвышением из захолустья этот святой для шиитов Ирана город обязан, конечно же, исламской революции 1979 года. Нет нужды пересказывать сейчас ее историю - вспомним лишь, что, как и некоторые другие великие революции, всерьез повлиявшие на мировую историю, она была задумана и совершена довольно небольшой группой интеллектуалов. Им удалось осуществить свое чаяние победы и частично реализовать свою утопию.

Следы утопии мы можем увидеть повсюду в Иране, но в самом чистом и непосредственном виде

- здесь, в Куме. Имя этого города иранцы произносят с надеждой, а иногда, надо признать, с ненавистью. Перед нами - подпирающая небеса башня из слоновой кости. Разве может такое строение вызывать ощущение приятности в окружающем народе?

Хомейни, Мотahari¹ и другие - все они обычно представляются и в Иране, и за его пределами как революционеры, политики, *факхи* и т.д. Но рискну заметить, что в первую очередь они были богословами и мистиками, и жизнью своей пытались прорваться в пресловутый *алам аль-гейб*** - ради этого мира горнего они и замыслили очередное переустройство мира дольнего. Ради этого

Кумский мулла у входа в усыпальницу Непорочной Фатимы.

после своей победы они построили утопию на краю огромной пустыни.

К моменту бегства Пехлеви-младшего² Кум представлял из себя небольшой городок. Усыпальница Непорочной Фатимы³ - главная святыня города - выглядела тогда довольно скромно: не-

сколько минаретов торчали, как недоразумение; вокруг сидели торговцы паломнической атрибутикой; плюс несколько маленьких медресе, каждое из которых имело один дворик с чинарой; да знаменитые ковроткацкие мастерские - вот чем был Кум изначальный. После революции в него были вложены огромные деньги. Вечно голодный *талабе* (студент медресе) вдруг превратился в фигуру значимую; быть муллой стало престижно, и под благословенным покровом его мантии город Кум разросся и вырос, словно редкий фрукт в теплице.

Современный Кум представляет из себя идеологический центр страны. В городе огромное количество исламских шиитских учебных заведений: медресе, *хоузе* и *данешгахи*, являющиеся цехами и конвейерами огромного комбината, производящего единственный продукт - Его Величество иранского муллу.

ИРАНСКИЕ «АРАБЫ»

Мне посчастливилось наблюдать эту уникальную систему изнутри. Два года я учился (а вместе со мной еще двое москвичей) в специальной академии для иностранцев - Всемирном Центре исламских наук. Здесь учатся студенты из 92 стран. Он включает в себя два университета - мужской и женский, а также множество высших и подготовительных медресе.

Мне повезло жить в специальном микрорайоне для мулл, где вместе с иностранцами жили и иранцы. Причем последних было больше, и они были вовсе не студенты, а уже сформировавшиеся представители духовенства. Впрочем, многим из них это не мешало быть и студентами, ибо классический мулла учится почти до конца дней своих.

Еще один важный момент кумского бытия - здесь построена не просто исламская утопия, но арабская исламская утопия. Вдобавок к обилию арабских надписей на улицах, предметов

* «Дорд» - осадок от вина, «дард» - боль; по-персидски записываются одними и теми же буквами. Игра этими словами широко распространена в персидской мистической поэзии.

** Алам аль-гейб - «мир тайн», важное понятие в исламской метафизике.

на арабском в медресе⁴, знатоков коранического арабского на улицах, в Куме очень много этнических арабов. Это беженцы из Ирака, ими заселен целый квартал в самом центре города, у них свои рынки, магазины и школы для детей. Иранское правительство всячески приветствует этих беженцев.

Однако из всего этого вовсе не следует делать вывод, что Кум похож на какой-нибудь обычный сирийский или иракский город. В том-то и дело, что на персидской земле построена идеальная арабская утопия, подобной которой нет в собственно арабских странах. Кумцы пытаются наследовать полумифическим арабам прошлого - сподвижникам первых шиитских имамов. Муллы любят подчеркивать, что их знание арабского языка не хватает, чтобы читать газеты или торговаться на рынке - только для чтения Корана и написания научных работ. Кроме того, они отнюдь не выражают любви к современным арабам - в том числе и к тем, которые заполнили город - исключая, может быть, палестинских боевиков.

Хотел бы заострить внимание на самом, по-моему, важном - двойственности образа Кума. В этом городе портретов имама Хомейни больше, чем в остальном Иране. Здесь он учился и сформировался как ученый и как личность, так что будет вполне уместно сравнить феномен Кума с феноменом Рухоллы*. Как сам Хомейни удивительным образом сочетал в себе застенчивого поэта Хинди⁵ и неистового аятоллу, тонкого мистика и прямолинейно целеустремленного политика, снисходительного к человеческим грехам, посвященного и гневного вершителя жестокой справедливости - так же двойственно и его детище. Неизбежное противоречие между эзотерикой и социальной стороной религии и составляет тайную боль Кума - боль, которую большинство его адептов не чувствует, ибо давно уже совершили бессознательный выбор в пользу второго.

В Куме выпускается много религиозных компьютерных программ. Они сильно облегчают работу над священными книгами. Поиск любого из 50 тысяч слов в Коране - пожалуйста! Вдобавок 70 арабских и 30 персидских ком-

ментариев мгновенно растолкуют это слово. Если нужен перевод какого-либо фрагмента Писания на всех известных языках мира, включая японский или польский, - пожалуйста! В лучших традициях кумского программирования я и сам сделал программу для подсчета коранических фрагментов согласно хитрой науке *абджада***.

...Сиюю, обложившись программами, словно царь Соломон преданными джинами, и пытаюсь разобраться. Вдруг - телефонный звонок (в Куме уже образовалась небольшая община принявших ислам европейцев. Им, как и жителям Кума любой национальности, по моим наблюдениям, свойственно более или менее заботиться друг о друге. Мне позвонил русский: «Слышал - новую стипендию дают! Арабы! И только россиянам!»)

Кум подобен «Замку» Кафки. Непостижимым образом вертятся огромные шестерни, механические руки бесконечно распределяют и перераспределяют. Жизнь кумца - бесперывное ожидание манны небесной. Просыплется ли где-то она завтра? Вот и теперь - какая-то непонятная арабская организация жаждет облагодетельствовать меня и моих соотечественников. Почему арабы? Почему россияне? Люди пытаются объяснить всё, даже то, почему в Коране именно 114 сур, а не сколько-нибудь еще. Но самый хитроумный богослов не объяснит перипетий кумской распределительной системы. Так что завтра, не мудрствуя лукаво, - бумаги в зубы и бегом за новой милостью!

Я вырван из глубин коранической программы и теперь оглядываю свою квартиру. Мне с женой выделили три комнаты - хоромы строились в расчете на огромную азиатскую семью. Есть даже личный садик четыре на четыре метра, где мы развели розы и соловьев, как и полагается в Иране. Соловей, правда, характером напоминал тегеранского диссидента - петь не желал и все бросался грудью на решетку клетки, не забывая при этом исправно клевать зерна.

Микрорайон для мулл - отдельный городок Шахрак Махдийе - находится на окраине Кума. Назван он по имени грядущего шиитского мессии Махди. Над

** Таинственная, малоизвестная непосвященным наука «оцифровки» священных писаний; исламская нумерология.

городком возвышается большая меловая гора, на которой наблюдаются выходы каких-то пород, словно испещряющих гору красными письменами. Так и хотелось разобрать их по *абджаду*...

Одинаковые коттеджи врезаются в тело пустыни Деште-Кавир, микрорайон кажется космической базой где-нибудь на Марсе из соответствующего кинофильма. Сходство усиливается тем, что инкубатор духовенства искусственно обеспечивается кислородом. Поскольку население Кума все растет, а в пустыне с фотосинтезом плохо - эта проблема даже обсуждается иранским телевидением - на холмах, тянувшихся километрами шесть в глубь пустыни, высажены невысокие сосны. К каждой сосенке подведена пластиковая труба, поливающая корни водой. Чтобы столь глобальная система работала, на вершине холмов возведены большие кирпичные емкости, которые мы сперва принимали за таинственные военные объекты. В зарослях искусственного происхождения обитает множество зайцев. Является ли употребление зайчатины в пищу запретным - не очень ясно, авторитеты городка не пришли к единому мнению, поэтому зверьков пока никто не трогает.

Что касается духовной атмосферы в Махдийе, отчасти она напоминает сибирские академгородки. Чувствуется родство людей, желающих служить общему делу, и их желание помочь друг другу. Мы с женой оказались самыми молодыми жителями городка - когда поселились здесь, нам было примерно по двадцать пять. Каким-то образом ближние и дальние соседи узнали об этом, и мы неожиданно ощутили всю прелесть положения «детей полка». Нам подарили всю нужную бытовую технику - поддержанную, конечно, тащили к нам газовые плитки (ими отапливают дома в Иране), телевизоры, стиральные машинки - так что всего оказалось даже слишком много. Было чуть-чуть неловко и очень приятно!

МОИ СОСЕДИ - ХУСЕЙНИ...

Обрисую самых колоритных соседей: ведь лучшую возможность понять какое-либо социальное явление дают не абстрактные исследования или таблицы, а конкретные люди, их бытовые, домашние, может быть, нелепые

* Рухолла (на фарси - «Божье имя») - имя имама Хомейни.

черты, в которых, однако, можно прозреть нечто весьма глобальное. Первого соседа назовем Хусейни - в Иране только очень близких друзей называют по имени, а уж в духовной среде, оплоте признанных знатоков иранского *та'рофа**, и подавно ко всем обращаются по фамилии. Хусейни - рослый мулла из Хорасана, с востока Ирана.

Когда у нас еще не было холодильника, я имел неосторожность сообщить ему об этом. На следующий день вдруг звонок в дверь (в Махдийе, прямо по эстрадной песне, «без спроса ходят в гости»). Открываю дверь и вижу: в ослепительно-ярком мире, сжигаемым 40-градусным солнцем, высится высокая и несколько нелепая фигура улыбающегося человека в бежевом халате до земли, с белой чалмой на голове, держащего в обеих руках полиэтиленовый пакет со льдом. Хусейни беспокоился, что у меня в жару не будет запасов холодного шербета.

В следующий раз - все так же, незвано - он пришел в гости уже с маленьким сыном. У иранских мулл, как, наверное, у представителей любого традиционного духовенства, очень большие семьи, и своих многочисленных детей они всегда стараются брать с собой. Мулла объявил, что пятилетнего мальчика зовут Аббас.

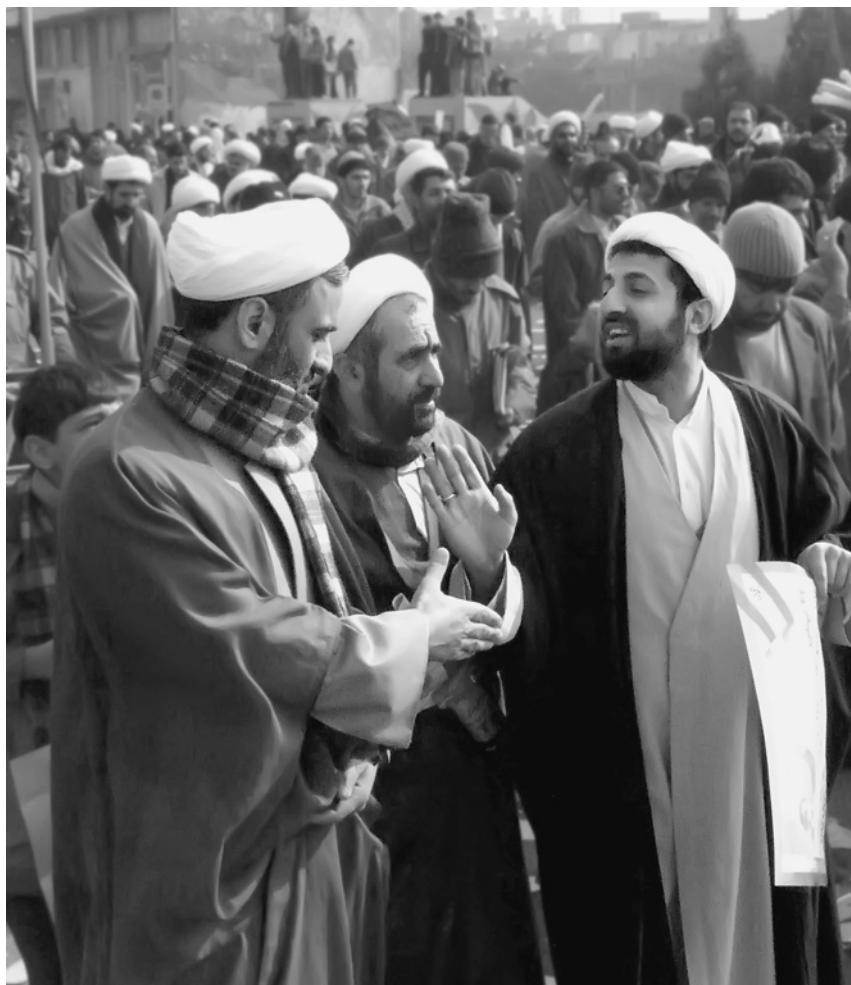
«Это в честь шаха Аббаса?» - невинно полюбопытствовал я, имея в виду знаменитого полководца и реформатора из династии Сефевидов (XVI-XVIII вв.). Я еще только-только стал кумцем и был слишком наивен! Мой новый друг почти оскорбился таким предположением. «Нет, нет, это в честь одного из сподвижников имама Хусейна**», - стал он утверждать с ужасом в голосе.

Вскоре неутомимый Хусейни решил баллотироваться на пост мэра Шахрака Махдийе. Хотя Исламскую Республику Иран часто сравнивают с Советским Союзом, в одном это сравнение уж точно неверно - на любых выборах тут полным-полно кандидатов! Причем неважно, кто избирается: президент страны или глава микрорайона.

Наш сосед выборы проиграл. Но природной бодрости духа он не утратил и в ближайшую пятницу - единственный выходной в

* *Та'роф* - неписанные законы вежливости и велеречивости.

** Имам Хусейн - внук пророка Мухаммеда, ставший образцом шиитского мученика.

Иране - пригласил нас на званый обед. У нас в тот день имелись какие-то важные дела, но отразить его кипучую энергию не было никакой возможности.

В доме, естественно, мою жену сразу увели на женскую половину, меня же отправили на мужскую. В других городах Ирана этот обычай уже не в ходу, по крайней мере, гостей разводят не сразу и не так прямолинейно - но в Куме свои законы.

На мужской половине хозяин решил продемонстрировать мне свой фотоальбом, половина которого была посвящена ирано-иракской войне (1980-1988 гг.). Я увидел горячие пески приграничных областей и улыбающихся юношей, ошетилившихся оружием.

Фотографий было немало, не очень качественные, но цветные. Война выглядела на них какой-то странной смесью пикника и игры «Зарница». Хусейни воевал в возрасте 17-18 лет в корпусе ополченцев. Запыленные юноши с гордостью восседали на танке, БМП и зенитной пушке, которые отнюдь не входили в штатное вооружение ополченцев. «Все это -

Иранский «та'роф».

наши трофеи», - сообщил мне Хусейни с таким видом, будто речь шла о каких-нибудь латунных кубках, полученных за победу в юношеском многоборье, или машине, подаренной богатым дядюшкой.

Странно было видеть в Хусейни, во взрослом человеке, получившем богословское образование, такое инфантильное отношение к войне. Я даже растерялся. Подобное представление о войне я сам имел лет в 10. Может быть, секрет в том, что европейцы и русские разучились воспринимать войну как некий праздник ребячества?

Тут же, на фото, его фронтовые друзья. «Этот стал *шахидом*», - показывает пальцем Хусейни. Затем добавляет - «еще этот, этот и этот». Немного подумав, он припоминает все до конца и тычет пальцем в последнего на снимке - «и этот». Затем, задумавшись, говорит: «А было много и таких - день воевали, а ночь проводили в молитвах».

Многие кумские муллы, подобно Хусейни, отправились в духовные учебные заведения почти с фронта. На таких людях, искренних, прямолинейных и боевых, во многом и держится исламская власть в Иране.

...И ДЖЕЙХУН

Единственным обитателем городка, которого я звал по имени, был Джейхун. Кроме меня, только он в микрорайоне знал русский язык. Джейхун родился в том же государстве, в котором родился и я, - в СССР, а именно - в Баку. Любопытно было посмотреть на советского человека, уже пятнадцать лет прожившего в Куме.

Надо сказать, что в начале нашего знакомства с Джейхуном мы оба оказались замешаны в некоторых интригах, которые возникли в русскоязычной общине. В раздумьях - стоит ли доверять этому человеку - я как-то пришел к нему в гости, попросив помочь разобраться в исламских книгах на фарси, а заодно и присмотреться.

Мы стали обсуждать одно место в мистической книге, где говорилось об обязательности существования Бога и совершенной необходимости бытия сотворенных Им созданий. Дело было под вечер, и вот Джейхун своим тихим голосом сказал мне со спокойной и извиняющейся улыбкой: «Один только Аллах существует в реальности... а мы ему как бы снимся».

В этот момент сам мой новый знакомый со своей улыбкой был действительно очень похож на сновидение Бога, исчезающее и немного печальное.

С этого момента я проникся к нему полным доверием - и правильно сделал. Джейхун, как и я, не чужд литературы, пишет рассказы и стихотворения по-азербайджански на исламскую тему. Но, подобно большинству мулл, он не может понять, что художественный текст и площадная пропаганда - это разные вещи, и я не нашелся, как объяснить ему это. Именно Джейхун больше всего переживал, когда я решил покинуть Кум. Он взялся сделать все, чтобы я остался, ходил по инстанциям и выбивал мне льготы - еще большие, чем я и так уже имел. Именно он сходил со мной к знаменитому аятолле Мисбаху Йазди в надежде, что тот поможет мне в заветной цели

- добиться индивидуального обучения.

Великий старец Мисбах, что значит «светильник», по-видимому, действительно имел доступ к Божественному свету. По крайней мере, услышав любой вопрос суетящегося Джейхуна, он возводил глаза к небу и с полминуты ожидал озарения, после чего размыкал уста и начинал медленно и величественно говорить. Йазди не одобрил моего индивидуализма, и Джейхун очень расстроился. Я успокаивал его, и конечно никогда не смог бы сказать правды - то, что уезжаю я из Кума во многом из-за таких милых людей, как он, которые даже не пытаются понять то, чем занимаются.

ЧТО ЧИТАЮТ В КУМЕ

Современным европейцам трудно представить, что в нашем мире может быть целая страна, в которой Книга по-прежнему играет огромную роль. Как известно, язык - членораздельная речь. Его устная форма первична. Здесь, в Куме, так не кажется. Здесь думается, что человек впервые узнал слова со страниц книг, как Иезекииль, проглотивший свиток, или Пророк ислама, горло которого сдавливал архангел до той степени боли, что с отчаяния он прочитал первые буквы последнего откровения.

В Куме книжных магазинов примерно столько же, сколько в Москве, при том, что размеры города раз в десять меньше. Одна из длинных центральных улиц заполнена книжными лавками, и в них часто не протолкнешься.

Конечно, в Куме продают больше религиозных изданий - но немало и светских. Вот неполный список одних только переводных русских книг, замеченных мной на полках: «Война и мир», «Анна Каренина», «Братья Карамазовы», «Доктор Живаго», «Мать» Горького, биографии Достоевского и Толстого, сборник детских рассказов советских писателей. Не редкость в верноподданническом Куме и книги иранских писателей XX века, которые не очень то жаловали исламскую власть.

Среди религиозной, конечно, море простой обрядовой и политизированной литературы, но немало книг и на тему философии, мистики. А вот покупатели рядом с этими книгами не особенно толпятся.

Все вышеперечисленное издается весьма хорошо, в красочных

суперобложках. Качество полиграфии хорошо сочетается с оформлением книги в восточном духе. Но увы - среди студентов той огромной системы, где я учился в официальные часы, я не нашел тех людей, с которыми можно было бы пойти в книжный магазин.

Между тем, основатели исламской республики, верными адептами которой считают себя многие учащиеся, были отнюдь не скучными людьми. Тех, кто представляют Хомейни как авторитарного политика, исламского фанатика, уничтожавшего все, отличающееся всего лишь на йоту от мировоззрения рядового мусульманина, возможно, удивят, например, следующие слова имама: «...благородное Имя Божье «Рабб» («Господь») является сутью ангела Михаила, которой с помощью проявления этого Имени становится источником благоденствий и опекуном мироздания, в то время как другое Имя Божье - «Малек» («Царь») - является сутью ангела Азраила, который таким образом становится поручителем Бога в области сжигания духов и образов, и возвращения явленного к истокам его»* (из «Комментариев к суре «Хамд»⁶, иранское издание 2007 г.). Подобное сопоставление эманаций имен Аллаха с ангельскими именами - смелый ход в духе довольно маргинального ислама, близкий, скорее, крайней исмаилитской традиции.

Приходилось слышать, как богословы Кума в келейной обстановке употребляли применительно к Хомейни скандальный, казалось бы, для официального Ирана термин *суфий*!

Очевидно, как и в русской революции 1917 года, в иранской 1979-го присутствовала та же противоположность формы и содержания. Интеллектуалы любят бороться за чаяния простого народа - ведь это красиво. Как говорил герой Достоевского: «аристократ, когда идет в демократию, обаятелен!» Но подлинная суть их замыслов - новая, дерзновенная интеллектуальная игра. Троцкий, как известно, покровительствовал психоанализу и футуризму, называя последний «пролетарским искусством».

Занятия по богословию и мистике в Куме проходят не в огромных медресе-университетах вроде того, в котором числился я и

* Пер. авт.

все другие российские студенты. Нет, после официальных уроков я и мои единомышленники, как и бесчисленные поколения наших предшественников, занимались в маленьких комнатках с окнами, выходящими на маленький бассейн с чинарой или гранатовым деревом.

Мы дискутировали на тему, насколько *ирфан* (мистика) и *фикх* (официальное законоведение) совместимы друг с другом, обсуждали космогонию Бартоломьюса (я не сразу сообразил, что это персидская транскрипция имени Птолемея) - вместо того, чтобы, как в большом медресе, поговорить вволю об ошибочности воззрений суннитов, христиан и прочих иноверцев. Мы сетовали на то, как сложно получить помощь в любом проекте, связанном с богословием, - гораздо сложнее, чем если бы наши изыскания касались политического ислама. Но, хотя часто в своих беседах мы и ниспровергали многое из того, что свято было для других студентов, две вещи оставались неизменно ценными и для нас: это личность имама Хомейни и святость Кума - а вернее, его особый метафизический смысл. В нашей среде было популярно высказывание: если бы Хомейни не был мистиком, он не смог бы совершить исламскую революцию против воли всех земных властителей!

Изучение богословия начали с книги аятоллы Мотahari - одного из важнейших идеологов исламской революции (погиб в результате теракта в 1983 г. в Тегеране). Труд Мотahari удивил меня: вместо привычной эзотерической терминологии я увидел длинный вступительный текст в оправдание мистицизма как такового, который мы читали несколько уроков. Так те, кто отдали свои жизни и ум для нового прорыва, вынуждены оправдываться перед своими последователями.

Вершиной богословской мысли в Куме считаются труды Мухеддина ибн-Араби, в особенности «Перлы мудрости»⁷. Интересно, насколько в разных исламских странах по-разному смотрят на наследие интеллектуалов прошлого! Например, Мухаммад Газали Туси*, столь высоко почитаемый российскими мусульманами⁸, в Куме котируется очень мало, несмотря на то, что Газали

* Мухаммад Газали Туси - богослов и философ, родился в 1058 г. в городе Тус.

был персом и большую часть жизни провел неподалеку от Мешхеда.

КТО ОН - ЯЗДОН ПЕНАХ?

Кто же считается авторитетным богословом из ныне живущих? В Куме я сталкивался с представителями двух школ, вернее, двух взглядов на исламский гнозис.

Первая - это из категории «дейательного мистицизма». Самым известным считается некто Бахджад. Как рассказывают многие в городе, он творит самые настоящие чудеса; за ним толпой ходят жаждающие чуда. Я однажды видел такое зрелище: неприятно и пахнет идолопоклонством. Именно Бахджад поправлял саван на нетленных мощах Непорочной Фатимы, усыпальница которой является главной святыней Кума, когда землетрясение повредило ее саркофаг.

Совершенно другой пафос у представителей интеллектуального мистицизма - или созерцательного, как его еще называют.

Он *сейед*, потомок Пророка, и положенная *сейеду* черная чалма сидит на нем особенно элегантно. Известное собрание его лекций так и не издано типографским образом и кочует среди его учеников, мне посчастливилось получить в дар эти кустарно сшитые листики. Оно состоит из 90 лекций, охватывающих все традиционные темы для школы М.ибн-Араби - учение об Именах Божьих, кирпичиках мироздания, как уровне первой и второй определенности, о «воплощении утвержденности» как об эманации этих Имен в тварной области, об уничтожении мистика в Аллахе и его последующей «оставленности» в Боге.

Присутствует и шиитский компонент, являющийся в эзотерическом аспекте продолжением школы Мир Дамада и Муллы Садр - представителей т.н. *сефевидского* возрождения, живших 500 лет назад. От множества других современных компилятивных трудов подобного плана «Девяносто лекций» Я.Пенаха отличает европейская ясность и система-

Эти люди не алчут чудес, а стараются изучать мистику как науку. Таковым был и сам имам Хомейни. Сейчас среди подобных интеллектуалов известен, например, Яздон Пенах - человек, относительно молодой для своей роли (его имя означает в переводе с фарси «скрытое божество»). Ему около 40 лет.

Яздон Пенах - эстет, и внешность у него соответствующая.

Учащиеся женского медресе на демонстрации, посвященной дню революции, в центре Кума.

тичность изложения - причем у него это получилось органичнее, чем у многих его коллег. Чувствуется, что абстрактное мышление, к величайшему прискорбию утраченное исламскими интеллектуалами много веков назад, у этого

кумского ученого вполне на хорошем современном уровне. При этом он совершеннейший иранец и человек своей шиитской школы, его ни в коем случае нельзя назвать западником. Лекции его абсолютно традиционны.

Мне мало довелось послушать Яздон Пенаха «вживую». Нужно сказать, что на его лекциях я не столько слушал, надеясь найти все то, что он говорит, в волшебных самопальных листках, сколько смотрел по сторонам. Сейед вел свою лекцию необычайно эффективно: он раскладывал перед собой старинное издание Авиценны и ловко водил пальцем по огромным страницам, испещренным прихотливым почерком, линии которого спускались вниз под углом в 45 градусов. И ученики подобрались под стать учителю, на них можно было любоваться - таких странных физиономий я нигде в Куме не встречал. Передо мной сидел невысокий мулла с совершенно огромной чалмой, все присутствующие были или чрезмерно сухи, или полны. Иные имели взгляд очень одухотворенный, иные - совершенно свиноподобный. В лицах этих я видел крайности человеческой натуры.

Лекции Я.Пенаха чрезвычайно популярны по всему Ирану, у него нет отбоя от приглашений. И, тем не менее, как шепотом признались мне его ученики, авторитет этого ученого в кумской иерархии очень низок. Он не обладает никакими рычагами влияния во всем этом бесконечном переплетении различных полезных учреждений. Из подобных ему в современном Иране назовем Ясреби в Табризе (правда, Ясреби называет себя противником эзотерики как таковой, но это не мешало ему написать множество весьма полезных и отнюдь не ругательных книг о ней) и Аштиани из Мешхеда, прославившегося своими исследованиями «Перлов мудрости» М. ибн-Араби. Подход этих ученых весьма похож на тот, что практикует Яздон Пенах, но все же уровень систематизации материала ниже.

Есть ли среди кумских чиновников от религии апологеты Знания? Фамилия директора Всемирного Центра исламских наук, при котором я официально числился два года, - Арафи, то есть «Познавший» или «Мистик». Это вселяло в меня некоторые надежды, когда я два месяца ожидал приема к нему.

Директор действительно соответствовал своей фамилии - как выяснилось, он 15 лет изучал богословие. Нужно сказать, этот Центр не подчиняется ни министерству, ни президенту, и мой собеседник отвечал только перед верховным духовным лидером Ирана.

Мое намерение изучать мистику в обход обычных предметов вызвало у директора осторожное сочувствие. Больше всего поразило, что этот высокопоставленный чиновник лично насыпал мне сахар в чашку, принимая как гостя в своем кабинете. Арафи пообещал полное содействие... только сделать ничего не смог. Подчиненные ему муллы воспротивились несоответствию моего индивидуализма положенным и утвержденным нормам.

Конечно, директор мог бы настаивать на своем. Может быть, официальные законы и позволили бы ему сделать исключение для меня - но не позволили неофициальные. Зато он помог мне остаться в хорошей квартире. А в ближайший исламский праздник я с удивлением смотрел на банковский чек, который мне доставили из его канцелярии - ибо был уверен, что директор давно забыл о моем существовании. Я оценил его жест - почти тайно, почти украдкой он помог своему младшему брату. Но, так или этак, желанного я все равно не получил, и потому покинул город Кум.

МАРГИНАЛЫ ОТ РЕЛИГИИ?

Кого-то может заинтересовать вопрос: есть ли в Куме откровенные маргиналы от религии? Возле усыпальницы Непорочной Фатимы можно увидеть колоритного старца - слепого дервиша. По крайней мере, одет он именно так, как на картинках изображают дервишей - разве что секиры нет. Как-то я решил приглядеться к этому человеку, благо сам он не мог увидеть мой пристальный взгляд. Я сел на скамейке рядом с тем выгодным местом, где он побирался. У слепых хорошо развит слух - и я увидел, как он плотоядно улыбался, когда в *кушкуль** беззвучно для меня падали купюры. По этой алчности я окончательно убедился, что передо мной ходячая бутафория.

* Кушкуль - нищенская медная сума персидского дервиша.

В феврале 2006 г. Кум был взбудоражен вестью о религиозном бунте. Прямо в центре города, оказывается, существовала некая тайная секта. О ее доктрине ходили самые противоречивые слухи. Кто-то говорил, что они «Аллиоллахи»⁹, некоторые отрицали это. Тайную общину обвиняли во всех мыслимых прегрешениях, включая даже... «свальный грех»!

Власти давно знали о секте и не трогали ее, дабы не нарушать насилием кумского благолепия, но в конце концов посчитали, что секта уж слишком сильно стала расширять свои ряды, и повелели закрыть небольшую мечеть, где собирались таинственные изуверы. Но те не выполнили приказа и заперлись в своей твердыне. Верноподданные верующие окружили мечеть, взяв нечестивцев в блокаду. Некоторое время полиция бездействовала, дело ограничивалось перепалками между двумя воинствами. Наконец мечеть была все-таки взята штурмом, руководители секты арестованы, а рядовые члены распущены по домам. Мечеть снесли, место в центре города, где она стояла, закатали асфальтом и впоследствии устроили там детскую площадку.

Имам Хомейни и его соратники проводили границу между дозволенным и недозволенным в духовных экспериментах так: если мистик по своему внешнему поведению резко отличается от окружающих обычных людей, значит, в своих изысканиях он зашел куда-то не туда. Знаешь тайну - и молчи.

ЗАПАДНОЙ ЭКСПАНСИИ ВОПРОКИ

Так кто же, все-таки, он, кумский житель? Вот что писал в XIX в. англичанин Джеймс Мориер, долгое время проживший в Иране: «Кум - такой город, где ни о чем не рассуждают, кроме как о рае, аде, догматах веры и о том, кто будет спасен, а кто нет. Здесь всяк или потомок пророка, или мулла; лица у всех длинные, бледные, кислые, и они служат вывескою умерщвления плоти»¹⁰.

Немного изменилось сегодня с тех времен. Внешняя благообразность, чрезмерная любовь - даже по иранским меркам - к *та'рофу*, то есть к вежливой игре словами, столь нелюбимой европейцами; тайная или явная надежда на собственную избран-

Учитель одного из медресе в Куме.

ность, нелюбовь и презрение к Тегерану как бесстыжому городу, вдобавок неспособному хранить свое собственное «Я» перед лицом западной культурной экспансии - вот черты нашего героя. Кум - один из немногих городов современного мира, где в транспорте часто можно увидеть читающих людей, и этот факт обнадеживает.

За границей Ирана распространено мнение, будто Исламская Республика доживает последние дни. На первый взгляд, для такого мнения есть все предпосылки: невооруженным глазом видно, что рядовые иранцы все меньше следуют исламским предписаниям, все больше вестернизируются - и, как следствие, возникает все больше несоответствия между поведением людей и официально обозначенными ценностями.

Но в действительности все далеко не так однозначно. За многие столетия гонений шиизм выработал мощную традицию сокрытия - полного внешнего подчинения сторонним тенденциям, при котором внутренняя сущность подданного имама Махди остается неизменной.

Впрочем, кумские муллы не довольствуются одним «сокрытием», но и в открытую весьма

яро противостоят западной экспансии. Может быть, проевропейских диссидентов в Иране и немало, но они гораздо менее энергичны и целеустремленны, чем их противники из святого города. Есть нечто трудновыразимое в облике иранского муллы, что, несмотря на все его недостатки, делает его героем трагедии, а не фарса. И поэтому сообщество мулл организовано на уровень выше, чем их враги-либералы.

Есть всего десять дней в году, когда жители священного города становятся почти такими, какими хотели бы их видеть создатели нового Кума. Это дни *Ашуры**, когда шииты вспоминают мученичество имама Хусейна, внука пророка Мухаммеда, убитого 1300 лет назад в пустыне Ирака. *Ашура* отмечается в Куме полнее, чем где бы то ни было в Иране. Ни один человек, какие бы ученые регалии он ни имел, не может назвать себя знатоком национального персидского духа, если не присутствовал на этой таинственной и грозной религиозной мистерии.

Особенно сильна и красива *Ашура* ночью. Весь город выходит на улицы. Сотни мужчин, взявшись за руки, исполняют танец с кривыми мечами, острия которых испещрены арабскими надписями. Прекрасно и жутко! Бьют барабаны, взвиваются в воздух цепи, которыми самые ревностные шииты секут себя, идя шеренгами по улицам Кума, в знак сопричастности к мучениям Хусейна и в порыве раскаяния за тех людей, которые своей слабостью и предательством допустили гибель внука Пророка.

В шиизме страдание, пронизывающее историю мироздания, словно игла - стопку исписанной бумаги, находит свою кульминацию в мученичестве имама Хусейна. Сторонний наблюдатель может сказать, что Ашура - про-

сто один из зрелищных народных обычаев. Но именно в эти дни нехитрых театрализованных действий в жителях Кума проступает то упрямое шиитское величие, которое позволило 30 лет назад небольшой кучке мусульманских интеллигентов поднять массы, а затем захватить и удержать власть в большой стране, но и вписать новую страницу в мировую историю, создав единственное в нашу эпоху сильное теократическое государство.

*Фото М. КОЛЕСНИКОВОЙ
См. также фото на 1-й и 2-й
сторонах обложек.*

¹ Аятолла Мортеза Мотahari - один из основных идеологов иранской исламской революции 1979 г. Родился в 1919 г. близ г. Мешхеда.

² Пехлеви-младший - имеется в виду последний шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви, бежавший из своей страны в 1979 г.

³ Сестра восьмого имама шиитов Али Резы; в начале IX в. отправилась с группой родственников к своему брату, намереваясь пересечь весь халифат (из Мекки в Мерв); по пути была отравлена и скончалась в городе Куме в возрасте 17 лет.

⁴ В современных иранских исламских учебных заведениях часть предметов преподается на фарси, часть (иногда и все) - на арабском.

⁵ Рухолла Хомейни, основатель Исламской Республики Иран, в молодости был известен как мистический поэт, творящий под псевдонимом Хинди («Индиец»). Уже сам псевдоним указывает на отнюдь не политический жанр его стихотворений - Индия в системе образов иранской поэзии означает царство духовной истины (вышеупомянутый «мир тайн»).

⁶ Сура «Хамд» (она же «Фатиха» - открывающая) - первая из 114 сур (глав) Корана, считающаяся самой важной частью священной книги мусульман.

⁷ Относительно небольшая книга «Фосус аль-Хикам» («Перлы мудрости») была написана М.ибн-Араби в XIX в. и насчитывает 28 глав, каждая из которых излагает мистические истины, ассоциированные автором с одним из почитаемых в исламе пророков.

⁸ Труды Газали в обилии выпускают многие российские исламские издательства, например, «Издательский дом Ансар» в Москве.

⁹ Аллиюллахи - распространенная на западе Ирана, особенно в Лурестане, секта, считающая имама Али (зятя и первого ученика пророка Мухаммеда) прямым воплощением Бога-Вседержителя.

¹⁰ Сатирический авантюрный роман «Похождения Хаджи-Бабы из Исфагана» о сыне бравурщика, плуте и пройдохе, как считается, относится к произведениям и английской, и восточной литературы. На русск. яз. роман был переведен Осипом Сенковским - современником Пушкина.

* Ашура - первые десять дней каждого нового лунного года.